

О.А. Скрипова

«ПРИЧИТАЮЩАЯ РУСЬ»:

СТИХОТВОРЕНИЕ «ОХ, ГРИБОК ТЫ МОЙ, ГРИБОЧЕК, БЕЛЫЙ ГРУЗДЬ»

В КОНТЕКСТЕ ЛИРИЧЕСКОЙ КНИГИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН»

«За 1917 – 1922 г. у меня получилась целая книга так называемых гражданских (добровольческих) стихов. Писала ли я книгу? Нет. Получилась книга. Для торжества белой идеи? Нет. Но белая идея в них торжествует», – так отзывалась Марина Цветаева о книге «Лебединый стан»¹, которая не была издана при жизни поэта. Впервые «Лебединый стан» был напечатан в 1957 году в Мюнхене. М.Л. Гаспаров отмечает, что к 17-му году «монолит цветаевской лирики, державшийся единством авторского самоутверждения, раскалывается на несколько частей. Воинствующие отклики на современность ложатся отдельно и складываются в конце концов в “Лебединый стан”, с противоположной стороны ложатся воинствующие выходы из современности в то, что Цветаева назвала “Романтика”»².

«Лебединый стан» (1917 – 1920) включает 61 стихотворение. Весь сборник проникнут героическим, патриотическим пафосом, здесь прославляется Белая армия, в которой служил С.Эфрон: «Белый поход, ты нашел своего летописца» («Буду выпрашивать волны широкого Дона...», 1920). Однако это далеко не беспристрастный летописец, не случайно Цветаеву называют «поэтом хулы и хвалы», говорят о «пламенности» ее риторики.³ Внешне метасюжет книги организован историей героического похода и поражения добровольчества, причем параллельно разворачивается роковой и необратимый процесс гибели России: «Россия! – Мученица! – С миром – спи!». Как отмечает В.А. Маслова, «осмысление революции с самого начала оказывается не политическим, а социально-культурным и психологическим: тема гибели в огне революции нравственных ценностей, определявших целую эпоху. Эта тема ис-

полнена трагизма»⁴. Мир рисуется как хаос: «Мракобесие. – Смерч. – Содом».

Книга стихов воспринимается как последний крик души в трагических обстоятельствах: «Я эту книгу, как бутылку в волны, Кидаю в вихри войн» («Я эту книгу поручаю ветру...», 1920). Ведь лирическая героиня не просто переживает разлуку с любимым, находящимся в стане обреченных, но и остро со-переживает белогвардейцам, царю, всему народу, поруганной Москве и России, разминувшейся со своей историей. Тема разлуки, разминовения – центральная тема цветаевского творчества.

В экстремальной ситуации страдания лирической героини достигают предела, отсюда – активное использование гипербола:

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое – семижды семь.

(1918)

В «Лебедином стане» мы видим разные лики лирической героини: надменная аристократка, восхищающаяся «породой» («Поступью сановнически-гордой...», 1918), и представительница простого народа («Дорожкой простонародною...», 1919); поэт-летописец с «крылатой душой» и плакальщица. Лирическая героиня то отождествляет себя с офицером, воином («Есть в стане моем офицерская прямоть...»⁵), то, напротив, подчеркивает в себе женское начало (жена, мать, Ярославна-страдалица, молитвенница за народ). Многоликость цветаевской лирической героини обусловлена, прежде всего, сложным комплексом противоречивых переживаний, вызванных революционной эпо-

¹ Цветаева М.И. Поэт о критике // Марина Цветаева об искусстве. М., 1991. С. 42

² Гаспаров М.Л. От поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретация, характеристики. СПб., 2001. С. 141.

³ Иваск Ю. Благородная Цветаева // Марина Цветаева в критике современников: В 2-х ч. М., 2003.

Ольга Александровна Скрипова — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

⁴ Маслова В.А. Вербализованное авторское «я» М. Цветаевой (По сборнику «Лебединый стан») // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: Восьмая цветаевская международная научно-тематическая конференция: Сб. докл. М, 2001. С.37.

⁵ Это стихотворение, по воспоминаниям Цветаевой, ей «постоянно заказывали в Москве 1920 г., называя его «про красного офицера»:

И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-эром
Скрежешет – корми – не корми!
Как будто сама я была офицером
В октябрьские смертные дни.

«Есть нечто в стихах, что важнее их смысла: – их звучание» (Цветаева М. Поэт и время // Марина Цветаева об искусстве. М., 1991. С. 59).

хой, крушением всех устоев, разрывом человеческих связей.

В начале книги много как будто сторонних наблюдений: зарисовки живой реальности, реакция на сообщения газет, чувства и мысли по поводу происходящего в голодной полуразрушенной, поруганной Москве. Постепенно нарастает экспрессия, появляются натуралистические образы: «Пурпуровой маша рукой беспалой, / Вопит калека, тряпкой алой / Горит безногого костыль, И красная – до неба – пыль» («Взятие Крыма», 1920). Образы становятся плакатно заостренными, гражданская война вырастает до масштабов вселенской битвы черного и белого, тьмы и света, Христа и Антихриста: «Белогвардейцы! Черные гвозди / В ребра Антихристу» («Белогвардейцы! Гордиев узел...», 1918). Внешние связи рушатся, поэтому опора ищется поэтом в языке, в звуковых переключках, появляются звуковые метафоры: «За словом: *долг* напишут слово: *Дон*», «*срамом* и *смадом*». Пока эти художественные приемы способствуют усилению публицистического воздействия стихов, ведь книга проникнута духом полемики. В следующих сборниках проникновение в структуру языка будет связано с постижением основ бытия, с онтологической трагедией человека в мире.

К концу книги актуализируются жанры молитвы («Об ушедших – отошедших...», 1920) и плача («Плач Ярославны», 1920; «Буду выпрашивать воды широкого Дона...», 1920). Лирическая героиня – Ярославна, к которой приходит страшная весть, а несут ее силы стихии (ветер). Образ Ярославны в русской художественной традиции символизирует верность, любовь, супружеский долг. Ярославна, оплакивающая Игоря и русское воинство, оборачивается Русью, скорбящей о своих сыновьях. Если в первые годы революции Цветаева была с теми, кто в данный момент побежден против торжествующего победителя⁶, то постепенно в стихах крепнет убеждение, что в гражданской войне победителей не будет. Поэт оплакивает всех погибших в братоубийственной войне.

Трагическая панихида облечена в форму традиционной русской заплачки-причитания («Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь...», 1920). К. Мочульский писал: «Это причитание – быть может, самое сильное из всего, написанного Цветаевой»⁷. Здесь много-

вековая традиция народной обрядовой поэзии диалогически соотносится с современным поэтическим сознанием.

Стихотворение интересно в плане субъектной организации: здесь всего одна фраза от лирического повествователя: «То шатаюсь причитает в поле Русь», эта строка вводит в лирическую ситуацию, задает эмоциональный тон стихотворения, настраивает на восприятие причеты. Остальное стихотворение – сама причеть Руси, прямая речь с включением коротких стихов раненых. Здесь максимально реализована диалогическая природа жанра. С одной стороны, это «исповедь на миру»: просьба о помощи, крик страдания обращены ко всему свету, «к людям добрым». С другой стороны, это обращение к конкретному адресату – к солдатам, сыновьям. Лирическая героиня сливается с образом матери-Руси, пьяной от крови и горя, теряющей рассудок:

Помогите – на ногах не тверда!
Затуманила меня кровь-руда.

Даже речь ее становится невнятной, нарушаются грамматические связи: «И только и это и внятно мне, пьяной». Мать слышит только голос страдания своих сыновей. Вообще в стихотворении нагнетается мотив крови, страдания:

И справа и слева
Кровавые зевы
И каждая рана...
Кровь обагрила

Связь матери-Руси с сыновьями осуществляется не через разум, не через голос, а «из чрева – и в чрево», это связь глубинная, утробная, во многом иррациональная. Это не скорбь души, а страшный «воплъ испортого нутра», убитые – ее плоть. В материнской причете особа тесная связь, плотная сращенность между субъектом и объектом. Здесь нет красных и белых, своих и чужих:

Все рядком лежат –
Не развестъ межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.

Здесь Цветаева обыгрывает символические цветовые обозначения двух станов – белых и красных, употребляет их в буквальном смысле. Смерть совершает бытийную метаморфозу,

⁶ Отметим, что в «Лебедином стане» у Цветаевой звучит молитва и о «Царскосельском Ягненке Алексии», и о Стеньке Разине, обо всех, «В страшную воронку втянутых / Обольщенных и обманутых».

⁷ Мочульский К. Русские поэтессы. Марина Цветаева и Анна Ахматова // Марина Цветаева в критике: В 2 ч. Ч. 1. М., 2003. С. 131. Конечно, многие вершинные произведения Цветаевой

тогда еще не были написаны, но такой отзыв современника дорогого стоит.

стирает социальные различия, перед лицом смерти и перед лицом России-матери красные и белые равны. Да и сами раненые сыновья забывают о вражде, помнят лишь о своей земле, своей малой родине: « – Аль у красных пропал? – Ря-азань». Обратим внимание на то, что Цветаева использует бедные глагольные рифмы «обагрила – побелила», даже повторяет одно слово вместо рифмы «стал – стал»... Такие рифмы – знак высшего отчаяния и жестокой простоты, наготы смерти.

Лейтмотив стихотворения – зов «Мама!», жалобный, безнадежный, детский. Повторяясь, он занимает все лирическое пространство стихотворения, вырастает «до самого неба». К тому же этот стон вынесен в отдельную укороченную строку. Примета цветаевского стиля – пропуск глагола – придает стихотворению особый драматизм: «И каждая рана: – Мама!» Словно нет сил на сознательное действие, только на бессознательный стон, «без воли – без гнева». Если традиционно любой похоронный плач – это некий безответный диалог, то у Цветаевой мать получает отклик – предсмертный стон, но это еще более усиливает безысходность и растерянность Руси, которая не может помочь всем своим детям, убивающим друг друга, спасти их от гибели.

Интонация плача задается уже обращением к адресату причети в начале стихотворения: «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь». Эта строка отсылает нас к другому цветаевскому стихотворению из «Лебединого стана»: «Белогвардейцы! Белые грузди // Песенки русской». С одной стороны, обыгрывается русская поговорка «Назвался груздем – полезай в кузов», так подчеркнута верность долгу. С другой стороны, в народной поэзии сын традиционно ассоциируется с белым грибочком.

Народно-поэтическая традиция поддержана использованием слов субъективной оценки, уменьшительно-ласкательной лексики: «грибок», «грибочек», «рядком», много устаревших, причем именно простонародных форм: «аль», «не развесть», «кровь-руда» (свойственное фольклору тавтологическое удвоение понятия). Скорбь нарастает за счет риторических вопросов: «Где свой, где чужой?»; «Кто ты? – белый?»; «Аль у красных пропал?» Сам глагол «пропал» многозначен: 1) «долго был», 2) «погибал». Ритмико-синтаксические и лексические повторы, параллель между 2-3 и 7-8 строками, которые выполняют функцию своеобразного рефрена, усиливают эмоциональный накал. Обратим внимание на то, что очень часто повторяется союз *и*: «и каждая рана», «и только и это и внятно», «и справа и слева и сза-

ди и прямо и красный и белый». Здесь этот соединительный союз вызывает ощущение навязчивости, *всеобъемлемости* страдания.

Особое напряжение передается с помощью смены ритма и способа рифмовки. Полиметричность и деление на строфы – признак индивидуально-поэтического стиля XX века. Протяжность и надрывная напевность длинных строк (шестистопный хорей с пиррихиями) сменяется короткими отрывочными возгласами (дольник, двухстопный амфибрахий), к тому же в стихотворении строки и строфы разной длины, рифмы то смежные, то перекрестные. Такой неровный, будто пьяный ритм несет особую экспрессию, экспрессию скорби, отчаяния.

Звуковой строй стиха, в особенности ассонансы, также способствуют созданию интонации плача: здесь много открытых звуков, особенно часто повторяется звук *А*: «шатаюсь», «причитает», «на ногах не тверда», «затуманила меня», «руда», «справа», «коровые», «рана», «мама», «и справа», «и сзади и прямо», «красный». Слово солдата даже графически протягивается с помощью тире: «Ря-азань». Все конечные слоги рифмы в двух последних строках открытые, протяжный стон вырывается на просторы вселенной:

Без воли, без гнева –
Протяжно – упрямо –
До самого неба:
– Мама!

Силой материнского чувства лирическая героиня Цветаевой возвышается над братоубийством. Обращение к жанру причети связано с потребностью поэта в момент общенациональной трагедии, страшной разобщенности общества вернуться к стихии родной речи, которая соприкасается с первоосновами бытия⁸, фундаменту национального единства. Это именно русский женский способ поэтического самовыражения, голос, выражающий неизбывное горе русской судьбы.

В целом, в сборнике «Лебединый стан» мы видим стремление Цветаевой найти аналогии своим переживаниям в культуре, в народной поэзии, но по сравнению с более ранними книгами, здесь усиливается ощущение царящего в мире хаоса, что подготавливает дальнейшие сдвиги в цветаевской поэтической системе, усиление экспрессионистического начала.

⁸ Не случайно к жанру причети обращается в эти годы и А. Ахматова в стихотворении «Не бывать тебе в живых...» (1921).